

*Изящная
словесность*

*Книги Анны Берсеновой –
истории сильных чувств:*

СЕРИАЛ «ГРИНЕВЫ. КАПИТАНСКИЕ ДЕТИ»	«ТРИ ДОЧЕРИ»
Последняя Ева	Ответный
Возраст третьей любви	темперамент
Неравный брак	Игры сердца
Ловец мелкого жемчуга	Французская жена
Первый, случайный, единственный	Странная Лиза
	Портрет второй жены
	Стильная жизнь
СЕРИАЛ «СЛАБОСТИ СИЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ»	Двое в Барселоне
Слабости сильной женщины	Гадание при свечах
Ревнивая печаль	Все страсти мегаполиса
	Женщина
	из шелкового мира
	Рената Флори
СЕРИАЛ «ЕРМОЛОВЫ»	Глашенька
Яблоки из чужого рая	Вангелия
Антистерва	Женщины да Винчи
Мурка, Маруся Климова	Вокзал Виктория
	Героиня второго плана
«ПОДРУГИ С МАЛОЙ БРОННОЙ»	Лучшие годы Риты
Уроки зависти	Созвездие Стрельца
Опыт нелюбви	Австрийские фрукты
Этюды Черни	
«ЛЮБОВНЫЙ ФАРФОР»	
Звезда по имени Эстер	
Красавица некстати	
Азарт среднего возраста	

анна берсенева

ЖЕНЩИНА
ИЗ ШЕЛКОВОГО МИРА

роман

Москва
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б51

Художественное оформление серии *П. Петрова*

Берсенева, Анна.

Б51 Женщина из шелкового мира : роман / Анна Берсенева. — Москва : Эксмо, 2018. — 432 с. — (Анна Берсенева. Изящная словесность).

ISBN 978-5-699-97848-9

К тридцати годам эта женщина живет в собственном замкнутом мире. Работа в провинциальной библиотеке, вдумчивое чтение, одиночество. Все это вполне ее устраивает. И вдруг в ее тихий мир врывается любовь — как в книгах, с первого взгляда! Вот только в жизни за безоглядной любовью следует предательство. Но вместо того чтобы впасть в отчаяние, героиня решает изменить свою судьбу до неузнаваемости. Она становится холодной и роскошной столичной хищницей Мадо. И сама распоряжается судьбами мужчин, попадающих под ее чары. Мадо уверена: к себе прошлой нет возврата. Ведь, наверное, нельзя дважды войти в одну и ту же реку?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сотникова Т. А., 2017

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-699-97848-9

Глава 1

Если твоим родителям в момент твоего рождения почему-то пришло в голову необычное имя, то тебе всю жизнь предстоит отвечать на глупейшие вопросы: отчего тебя назвали именно так, да есть ли такое имя в святцах, да как будет сокращенно...

Мадина так к этому привыкла, что уже и не пыталась отвечать на эти расспросы каким-нибудь внятным образом. А говорила, например: «Сокращенно будет Мадо. Как у Ремарка». И расспросы после этого обычно прекращались. Либо потому, что собеседник читал «Триумфальную арку», либо потому, что не читал.

Если же сказать правду, довольно, между прочим, незатейливую — что мама назвала ее Мадinou в честь лучшей подружки своих студенческих лет, — то за этим следовал целый поток вопросов: а откуда родом была подружка, а почему ее так звали, а где она теперь? Мадина этой маминой подружки в глаза не видала. Та вышла замуж сразу после института, и муж оказался суровый — не отпускал ее

ни в какие самостоятельные поездки; так студенческая дружба и угасла. Поэтому мамина фантазия вызывала у Мадины только недоумение и даже обиду: зачем было осложнять ее жизнь такой вот экзотикой с восточным оттенком?

Но это была единственная обида, которую Мадина могла иметь на маму, и, в сущности, обида такая ерундовая, что ее можно было считать вовсе не существующей.

Да в обычной своей жизни Мадина об этом и не думала. Может, если бы она жила в большом городе и знакомилась каждый день с новыми людьми, то необходимость постоянно им что-то объяснять действовала бы на нее раздражающе. А в поселке Бегичево все и всех знали в лицо, даже приезжих. Мадина родилась в Бегичеве тридцать лет назад и уезжала отсюда только на те пять лет, которые училась в Твери на филфаке, но за те годы никто ее, конечно, не забыл. Да и родители ее никуда ведь не уезжали: как приехали в Бегичево по распределению после своих институтов, так и осели навсегда, и дом построили, и дочку родили, и деревьев посадили множество.

Так что думала Мадина совсем о других вещах.

Сейчас, например, она стояла у железнодорожного переезда и, ожидая, пока пройдет очередной бесконечный состав, думала, что вот мама затеяла шить ей к командировке блузочку и ужасно переживает от того, что мо-

жет не успеть, потому что ей очень хочется, чтобы дочка выглядела в Москве необычно и непровинциально, а ручная работа — это ведь, Мадиночка, теперь очень модно, и все на тебя внимание обратят, вот увидишь.

Мадина улыбнулась. Мама относилась к ее неожиданной командировке как к дару небес. И даже стыдно кому-то сказать почему: надеялась, что дочка найдет в Москве свою судьбу и счастье, а попросту говоря — мужа. Возможность найти мужа на конференции библиотечкарей, то есть, вернее, библиотечкарш, хотя бы и в Москве, представлялась Мадине сомнительной. Но маме она об этом не сообщала. Родители так переживали из-за дочкиной личной неустроенности, так искренне считали, что неустроенность эту обязательно следует преодолеть, что разубеждать их в этом было бы просто безжалостно.

«Вагоны шли привычной линией, — подумала Мадина, глядя на громыхающий перед нею состав. — Подрагивали и скрипели. Молчали желтые и синие, в зеленых плакали и пели».

Думать так было для нее естественно и привычно; мир, очерченный стихами, казался ей точнее и правильнее обычного и обыденного мира. Правда, вслух она стихов не читала никогда, потому что слышать их большинству людей было как раз неестественно и непривычно. И зачем же ловить на себе недоуменные взгляды?

Никто, конечно, не пел в вагонах. Но линия их в самом деле была привычна, как череда времен года. Бегичево и появилось-то двести лет назад в лесах Тверской губернии лишь потому, что помещица Анна Васильевна Бегичева добилась, чтобы Московско-Виндавская железная дорога прошла по ее землям. И с тех пор поселок стал жить от железной дороги — работал на ней, выносил к ее поездам на продажу вареную картошку и яблоки, ездил в Москву, Питер и Тверь... Ожидание у железнодорожного переезда, пока пройдет очередной состав, было в Бегичеве таким привычным, таким повседневным занятием, что его никто и как ожидание не воспринимал.

Земля подрагивала вдоль рельсов, и летели вдоль дороги золотые ветки осенних берез — то ли от ветра, то ли от этого вот подрагивания земли.

Поезд прошел. Мадина перешла через затихающие рельсы и направилась вдоль усаженной березами улицы к дому.

Блузочка висела на деревянных плечиках, зацепленных за дверцу платяного шкафа, так что выглядела самым главным предметом в комнате. То ли потому, что была ярко-белой, то ли потому, что вся была пронизана маминной радостью.

— Ну как? — спросила мама, едва Мадина открыла дверь. — Такой ни у кого не будет!

— Это уж без сомнений, — кивнул папа.

Это утверждение было, конечно, отголо-

ском времен всеобщего дефицита, то есть тех как раз времен, в которых прошла почти вся родительская жизнь. Мадина привыкла к другим временам, когда даже обычная турецкая блузочка с рынка едва ли могла в точности повториться на ком-нибудь из знакомых. Просто потому, что торговцы предусмотрительно не закупали одинаковых блузочек.

— Это наша бегичевская вышивка, — авторитетно разъяснил папа. — Видишь, нитка сперва вот таким жгутиком сворачивается, а потом уж этот жгутик на ткань нашивается. Так даже в соседнем уезде не вышивали.

Точно такая бегичевская вышивка была представлена в поселковом краеведческом музее, где папа, когда закончил работу в своем строительном управлении и вышел на пенсию, стал членом общественного совета. По его рекомендациям мама специально изучила эту вышивку получше и теперь вот использовала для дочкиной кофточки.

Папа собственноручно добыл для краеведческого музея многие экспонаты — кубышку из деревни Тархово, например. Кубышка вопреки Мадининым представлениям оказалась не бочонком, а глиняным кувшином с узеньким горлом. Папа купил ее у какой-то древней тарховской старушки и подарил музею.

— Почему про скупых говорят, что они деньги в кубышку складывают? — объяснял он. — Вот из-за такого узкого горлышка и го-

ворят. Если в него деньги опустить, то обратно уже не вынешь.

Простые, изначальные вещи вызывали у папы уважение, смешанное с восторгом; его привлекала разумность их устройства.

Из-за бегичевской вышивки блузочка выглядела такой простенькой, такой незатейливой, что ее хотелось не надеть, а оплакать. Но говорить об этом маме Мадина, конечно, не стала.

— Спасибо, — улыбнулась она. — Ни у кого такой не будет точно.

Ее слова были вполне искренними, такими же, как и благодарность маме.

— Я тебе все уже переглядила, — сказала та. — Отбери только, что с собой возьмешь. Свитер, я считаю, обязательно. Дети в Интернете смотрели — в ближайшую неделю в Москве похолодает.

Мама работала в школе, поэтому в повседневной жизни вела себя продвинуто: знала, какие группы принято слушать, а какие нет, почему продали в «Реал» игрока «Зенита», и о погоде справлялась в Интернете, через учеников, правда.

— Ну что уж такого особенного отбирать? — пожала плечами Мадина. — Я же всего на три дня еду.

— Я твой чемодан уже вычистил, — включился в сборы папа. — В саду сохнет. Только молния вот-вот сломается. Вернешься — отдадим заменить.

Мадина всегда удивлялась, как можно придавать столько значения подобным мелочам. При этом ее родители вовсе не были мелочными. Они словно секрет какой-то знали — секрет правильных жизненных сочетаний. Сама она так и не смогла найти точного соотношения между главным в жизни и неглавным.

— А что такое Высшие дизайнерские курсы? — спросил папа.

— Понятия не имею, — пожалала плечами Мадина.

— Но ты же будешь жить в их общежитии! — удивился он.

— Но учиться ведь я на этих курсах не собираюсь. Откуда мне знать, что это такое?

«Да и зачем мне это знать?» — подумала она.

Мир, в котором она жила и который кому угодно показался бы замкнутым, представлялся ей вполне обширным, и жизнь в этом мире не выглядела для нее однообразной.

— Они где-то в центре находятся. Большая Калужская — где это? — спросила мама. — Я завтра Сережу Семенова попрошу, чтобы на карте Москвы посмотрел. А может, он и так знает.

Сережа Семенов был ее любимый ученик. Он заканчивал одиннадцатый класс, собирался поступать на филфак МГУ, и мама всячески поощряла его в этом стремлении. Она когда-то и дочку уговорила пойти именно на филфак Тверского университета. Правда, осо-

бенно уговаривать не пришлось: Мадина не очень представляла, кем хочет быть, а читать любила всегда, вот и пошла учиться филологии.

— Ну, будем обедать, — сказала мама. — Игорьь, вынеси Шарикку супу, и садимся.

— Я вынесу, — сказала Мадина.

Она взяла кастрюльку, в которую мама всегда при готовке отливала бульон для Шарика. Пес был старый, и жирный борщ, любимый папой, ему был уже противопоказан, поэтому суп для Шарика готовился отдельно.

В саду осень чувствовалась еще яснее, чем на улицах Бегичева. Листья на яблонях уже начали облетать, и сад от этого сделался прозрачным, светлым. Между просветленными деревьями, совсем низко, пролетела сорока. Сороки, летающие по осеннему саду, почему-то всегда казались Мадине какими-то странными существами; их полет напоминал ей фантастический фильм. Хотя птицы ведь они были самые обыкновенные.

Мадина подошла к будке, позвала:

— Шарик, иди сюда.

Пес высунул из будки морду, потом медленно, с трудом вылез сам. Он давно уже не сидел на цепи, и его не раз пытались перевести на жительство в дом, но он хранил верность своей любимой будке, стоящей под старой антоновкой. Глаза у него всегда были печальные. Не от тяжелой жизни — она-то у него была, как говорила соседка Веневцовых,

иным людям на зависть, — а просто так, от природы. А когда он состарился, глаза приобрели совсем уж трагическое выражение.

Мадина перелила бульон из кастрюльки в Шарикову миску, погладила пса по седой голове и подождала, пока он поест. Папа беспокоился, что Шарик от старости может подавиться, и, хотя мама разминала собачью еду вилкой, все-таки обычно ожидал окончания его обеда. И Мадина ожидала тоже.

Поев, Шарик благодарно потерся лбом о ее руку и полез обратно в будку. Когда шестнадцать лет назад папа подобрал щенка на станции, главной чертой его характера было любопытство. Он совал свой влажный черный нос во все щели — так, что однажды его даже прищемило мышеловкой, — и целыми днями бегал за Мудиной, интересуясь всеми ее делами. А теперь от всего его долгого, целую собачью жизнь наполнившего интереса к хозяевам осталась только вот эта немножко равнодушная благодарность.

«Охлажденны лета, — подумала Мадина. — Вот такие они, значит, и есть».

Еще она подумала, что, может, когда Пушкин писал про годы старческой охлажденности, то тоже смотрел на какого-нибудь старого пса у себя в Михайловском. А может, и нет: стариков и среди людей ведь достаточно.

Вдоль садовой дорожки росли розы. Если осень выдавалась теплой, как в этом году, они цвели до ноября. Каждый раз, когда Мадина

шла из сада в дом, то замечала рядом с большими облетающими цветами вновь раскрывающиеся бутоны — желтые, алые, бордовые. Из всего Бегичева только у них в саду розы цвели до самых заморозков, потому что мама любила с ними возиться и выращивала особенные сорта.

Стол к обеду был накрыт, то есть поверх вязаной скатерти покрыт прозрачной клеенкой, и на ней уже стояли тарелки. Посередине стола лежал в корзиночке черный хлеб. Он всегда был свежий, потому что хлебозавод находился рядом с домом и папа покупал хлеб каждый день, приходя точно к тому моменту, когда еще теплые буханки приносили в заводской магазин прямо из пекарни.

Мадина выросла среди множества таких вот чистых и ясных подробностей и не представляла без них своей жизни, да и жизни вообще.

— Хотела сегодня пирог испечь, да поленилась, — улыбнулась мама. — Вернее, с гладкой завозилась. Ну ничего, папа розанчики купил.

Булочки-розанчики тоже выпекались на хлебозаводе. Все московские дачники, которые в последние несколько лет как одержимые скупали дома в Бегичеве и окрестных деревнях, брали их да еще творожные булочки-венгерки десятками, уверяя, что ни в одной московской кондитерской ничего подобного уже не найдешь. То, что купленные утром

розанчики черствели уже к вечеру, считалось одним из главных их достоинств. Это значило, что в тесто не добавляется никаких искусственных примесей, от которых оно могло бы не черстветь и не плесневеть по месяцу и больше.

Домашнего пирога сегодня к обеду не было, но компот был, конечно.

— У нас дома как во Франции, — сказала Мадина.

— Почему? — удивилась мама.

— Там не принято обедать без десерта.

— Я всегда считал, что французы знают толк в жизни, — кивнул папа. — И постоянно нахожу все новые тому подтверждения.

— У немцев тоже прекрасная выпечка, — заметила мама. — Кельнские кондитерские — это незабываемо!

В Кельн мама ездила в начале перестройки: немцы тогда во множестве приглашали школьных учителей для обмена опытом. Потом интерес к России постепенно угас, и учителей приглашать перестали, во всяком случае, из Бегичева. Впрочем, мама была уверена, что приглашают их по-прежнему, но уже из других мест.

— Ведь немцы очень последовательны, — объясняла она свою уверенность. — Конечно, не раз в их истории эта черта характера приводила к ужасным поступкам. Но теперь она нашла свое правильное место в их сознании.

Как устроено нынешнее немецкое созна-